

Л. С. СИДЯКОВ

НАБЛЮДЕНИЯ НАД СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕМ ПУШКИНА

(«проза» и «поэзия»)

Изучая соотношение прозы и поэзии в творчестве Пушкина, исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью определения того, как сами эти понятия совмещались в его литературном сознании, какое содержание он в них вкладывал, как осмыслял их соотносительность друг с другом. Одним из путей решения этого вопроса окажется и наблюдение над тем, как Пушкин употреблял сами слова «проза» и «поэзия», каковы их значения в языке Пушкина, что стояло за ними для него, как писателя первой трети XIX века. Конечно, это не единственный путь; более того, материалы, добытые таким путем, не могут претендовать на широкое обобщение; однако этот путь не только реален, он и необходим, так как без этого предварительно построенного фундамента всякие дальнейшие суждения могут оказаться недостаточно основательными. Филологический анализ слова оказывается существенным подспорьем для толкования понятий, этим словом определяемых.

Итак, объектом нашего наблюдения будут слова «проза» и «поэзия» в словоупотреблении Пушкина. Задача эта облегчается существованием «Словаря языка Пушкина» (тт. I—IV, М., 1956—1961), позволяющего легко отыскать нужные контексты и определяющего основные значения этих слов (а также их производных и синонимов) в языке Пушкина. Однако его показания недостаточны, поскольку лишь изучение всех контекстов с указанными словами может дать объективную картину того, как эти слова понимались Пушкиным, так как употребление слова в разнообразных контекстах позволяет проследить его соотносительность с соответствующими понятиями.

Слова «проза» и «поэзия» в языке первой половины

XIX века претерпевали существенную эволюцию. Имевшие поначалу более узкое, терминологическое значение, они в это время начинают употребляться и в более широком значении, переходя из профессиональной по преимуществу сферы употребления в более общую. Иначе говоря, наряду с основным (различие прозаической и стихотворной форм), появляется и вторичное значение этих слов (противопоставление идеального, высокого низменному, будничному). Ю. С. Сорокин, проследивший судьбу этих слов в XIX веке, показывает, что уже в 20-е годы «старое представление о соотношении поэзии и прозы получает новый... смысл, выводящий его за рамки чисто эстетических построений. В этом смысле поэзия как «мир идеальный», область творческого воображения, противопоставляется прозе как миру действительности, практической жизни и т. д.»¹.

Ю. С. Сорокин связывает это с романтическим движением, показывая, что и последующее утверждение реализма не поколебало подобного словоупотребления. Одновременно слово «поэзия» утрачивает и узко технологическое значение (противопоставление стихотворной речи нестихотворной) и становится синонимом «словесности» («литературы») как словесно-художественного творчества вообще, более того, включая даже и представление о художественных, творческих способностях человека.

Видимо, с этим переосмыслением слова «поэзия» связано и то, что Н. Остолопов в своем «Словаре древней и новой поэзии» сделал характерную оговорку: «Прозе не поэзия противопоставляется, а стихосложение, ибо поэзия состоит не в механическом совокуплении слов. — См. *Поэзия*». (Правда, статья «Поэзия» все же определяет поэзию как «вымысл, основанный на *подражании* природе изящной и выраженный словами, расположенными по известному размеру — так как проза или красноречие есть *изображение* самой природы речью свободною», — то есть вполне традиционно)².

«Словарь языка Пушкина» не предусматривает такого значения слова «поэзия» для Пушкина; однако, как мне думается, некоторые его контексты позволяют утверждать обратное (они, правда, единичны), например: «Во Франции просвещение застало поэзию в ребячестве, без всякого направления, безо всякой силы. ...Буало обнародовал свой Коран — и французская словесность ему покорилась.

Сия ложноклассическая поэзия, образованная в передней...» и т. д. («О поэзии классической и романтической», 1825;

¹ Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е — 90-е годы XIX века. Изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 463.

² Словарь древней и новой поэзии, сославленный Николаем Остолоповым..., ч. 2. СПб., 1821, стр. 433, 400.

XI, 38³); «Мелочная и ложная теория, утвержденная старинными риториками, будто бы *польза* есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цель искусства есть *идеал*, а не *нравоучение*. Но писатели французские поняли одну только сторону истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразие может быть целью поэзии, т. е. *идеалом!*» («Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной», 1836; XII, 70).

Наконец, слово «поэзия» в течение первой половины XIX века прочно вытесняет слово «стихотворство», употреблявшееся преимущественно в аналогичном значении в течение всего XVIII века и в начале XIX столетия. В «Словаре языка Пушкина» на 164 случая употребления слова «поэзия» приходится только 4 — «стихотворства» (в указанном значении)⁴.

Таким образом, слова «проза» и «поэзия» в пушкинскую эпоху расширяли свое значение; однако этот процесс не был еще завершен, и данные языка Пушкина красноречиво говорят об этом. Прежде всего, случаев употребления этих слов во вторичном значении сравнительно немного, кроме того, эти контексты не всегда достаточно устойчивы, наконец, язык Пушкина не дает еще тех форм, которые прочно связаны именно со вторичным значением этих слов (нет глагола «поэтизировать», связанного, как замечает Ю. С. Сорокин⁵, только с широким значением слова «поэзия»; среди производных от этих слов мы находим лишь прилагательные «поэтический» и «прозаический» — в обоих значениях, — слово «поэтичный», употребленное лишь однажды в вариантном тексте, представляет собой лишь дублет слова «поэтический»⁶, слова же «прозаичный», также впоследствии тесно связанного со вторичным значением у Пушкина нет вовсе). Это позволяет думать, что вторичные значения слов «проза» и «поэзия» у Пушкина еще не настолько отделены от основного, чтобы их показания нельзя было бы широко учитывать, анализируя связь этих слов с соответствующими им литературными представлениями.

³ Все цитаты из Пушкина даются по изданию: Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I—XVI и Справочный том. Изд. АН СССР, 1937—1959, с указанием в скобках римскими цифрами тома и арабскими — страницы. Выделение слов в текстах Пушкина (исключая курсив) принадлежит автору статьи.

⁴ См.: Е. А. Быстрова. Из истории русской литературоведческой терминологии первой половины XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ашхабад, 1965, стр. 13.

⁵ Ю. С. Сорокин, цит. соч., стр. 464.

⁶ См.: «чтоб ода и элегия были изгнаны из разрядных книг поэтической олигархии» (варианты статьи «Стихотворения Е. Баратынского», 1827; XI, 321). В основном тексте употреблено прилагательное «поэтический» («поэтической олигархии»; XI, 18). Автор благодарен В. Д. Левину, указавшему на приведенный вариант.

И еще одна, последняя оговорка. В литературе не раз, и справедливо, отмечалось, что поэзия и проза для Пушкина — это нечто большее, чем противопоставление стихотворных и нестихотворных произведений; «...в литературном сознании пушкинской эпохи, — пишет В. М. Маркович, — поэзия и проза — не просто стихотворные и нестихотворные произведения, но две принципиально противопоставленные друг другу эстетические категории»⁷. Ср. суждение Е. А. Маймина: «Для Пушкина произведение, написанное стихами, отличается от прозаического произведения не только особой организацией речи, не только своими ритмическими и звуковыми свойствами, но и внутренне, по существу. Стиховая речь в сравнении с речью прозаической имеет не одни лишь формальные различия: это и иной художественный мир, подчиненный своим правилам и подлежащий иному суду, нежели проза»⁸.

Все это, конечно, так; однако при той ограниченной задаче, которую я беру на себя, видимо, невозможно вполне учитывать всю сложность ассоциаций, вызываемых для Пушкина словами «проза» и «поэзия». Речь идет лишь о том, как употреблялись они у Пушкина, и наблюдения над этим представляют собой не более, чем предварительный материал для изучения пушкинской концепции прозы и поэзии, что представляет собой гораздо более широкую задачу.

Наибольший интерес для нас, естественно, представляют те контексты, в которых слова «проза» и «поэзия» употреблены совместно. Эти случаи многочисленны, причем в отношении к слову «проза» составляют даже большинство контекстов, в которых это слово вообще употреблено. Это очень важно, так как показывает, что проза Пушкиным мыслится главным образом в со- и противопоставлении поэзии. В этих случаях вместо слова «поэзия» чаще всего употребляется слово «стихи», выступающие в качестве его синонима (но только в значении «ритмически организованная речь; не «проза»; «Словарь языка Пушкина»). «Поэзия» и «стихи» в указанном значении выступают как синонимы и в общих контекстах, например: «Душа, как прежде, каждый час Полна томительною думой — Но огонь поэзии погас. Ищу напрасно впечатлений: Она прошла, пора стихов...» (эпилог «Руслана и Людмилы»; IV, 87); «Что ты? что твоя поэзия? Изредко и слишком редко, попадаются мне твои стихи» (В. И. Туманскому, 1825; XIII, 206) и т. п. Замена синонимами возможна лишь для слова «поэзия», слово же «проза» у Пушкина не включено

⁷ В. Маркович. Из наблюдений над композицией «Евгения Онегина». — «Известия АН Каз. ССР», серия общественных наук, 1963, вып. I, стр. 86.

⁸ Е. А. Маймин. Пушкин о русском стихе. — «Русская литература», 1966, № 3, стр. 66.

в синонимический ряд и ничем прямо не заменяется ни в основном, ни в переносном значениях.

Таким образом, «проза» и «поэзия» выступают часто в со-противопоставлениях друг с другом. В первом случае проза и поэзия оказываются явлениями одного ряда, рассматриваемыми главным образом как части одного целого (творчество писателя, книжка альманаха, «словесность» = «литература» и т. д.), например: «Там прозу и стихи отважно все куют, Там все враги Наук, все глухи — лишь не немь...». («К Жуковскому», 1816; I, 196); «Уж я тебе наготовлю всячины и прозы и стихов» (П. А. Плетневу, 1830; XIV, 112); «Читал стихи и прозу Кюхельбекера...» (Л. С. Пушкину, 1822; XIII, 45); «Примите «Невский Альманах». Он мил и в прозе и в стихах...» (Н. Н., 1825; II, 421) и т. д.

Но в гораздо большей степени, чем подобное словоупотребление, значимы, конечно, те контексты, в которых слова «проза» и «поэзия» («стихи») выступают в качестве антонимов. «Они сошлись. Вода и камень, Стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой» («Евгений Онегин»; VI, 37), — этот пушкинский текст, разумеется, сразу же приходит на память. В таком антонимическом сочетании слова «поэзия» («стихи») и «проза» предстают у Пушкина очень часто, причем нередко это противопоставление скрыто, связано с предположением, что поэзии доступно (или позволено) то, что противопоказано прозе: «Она мила — скажу меж нами — Придворных рыцарей гроза, И можно с южными звездами Сравнить, особенно стихами, Ее черкесские глаза» («Ее глаза», 1828; III, 108). В этом отношении очень показателен следующий контекст в «Послании Дельвигу» (1827, прозаическая часть): «Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступить...» (III, 71). Слово «поэтический» употреблено здесь в значении «поэтический, исполненный поэтичности, поэзии» («Словарь языка Пушкина»), однако оно связано и с представлением о том, что есть предметы, требующие обязательно поэтической формы, способные быть выражены лишь с помощью «рифм»⁹, и поэтому менее доступные прозе, и наоборот. Противопоставленность прозы поэзии для Пушкина (как и для эпохи в целом) включена в оппозицию «высокое»-«низкое», на этом и строится их различие в словоупотреблении (другой вопрос, как реализовалось

⁹ Кстати, и слово «рифма» («рифмы») выступает у Пушкина в качестве синонима слов «поэзия» и «стихи»; например: «...ваши алые уста, Как гармоническая роза... И наши рифмы, наша проза Пред вами шум и суета» («Е. Н. Ушаковой», 1829; III, 149). Ср.: «И нет над тобою как бы некоего Шишкова или Сергея Глинки, или иной няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах» (П. А. Вяземскому, 1825; XIII, 209).

это в эстетических представлениях Пушкина в разное время). Очень показательны в этом отношении словесное окружение, в котором употребляются эти слова (включая систему эпитетов). Ср. с одной стороны: «О мудрецы! дивиться вам умея, Для вас одних я ныне трон Морфея Поэзии цветами обовью...» («Сон», 1816; I, 185); «Но глас поэзии чудесной Сердца враждебные дружит — Перед улыбкою небесной Земная ненависть молчит...» («Графу Олизару», 1824; II, 335); «И вы, заветные мечтанья, Вы, призрак жизни неземной, Вы, сны поэзии святой!» («Евгений Онегин»; VI, 133); «И пробуждается поэзия во мне: Душа стесняется лирическим волненьем...» («Осень», 1833; III, 321). И с другой: «Увы! Язык любви болтливой, Язык и темный и простой, Своею прозой нерадивой Тебе докучен, ангел мой...» (1828; III, 100; исправления текста см.: Справочный том, стр. 25); «В деревне я писал презренную прозу, а вдохновение не лезет» (П. А. Вяземскому, 1826; XIII, 310); «...в некоторых сценах унизились даже до презренной прозы» («Письмо к издателю «Московского вестника», 1828; XI, 67); «Я хотел низойти к прозе» («История села Горюхина», 1830; VIII, 131). Ср.: «Неприятно было Чарскому с высоты поэзии вдруг пасть под лавку конторщика; но он очень хорошо понимал житейскую необходимость, и пустился с италиянцем в меркантильные расчеты» («Египетские ночи», 1835; VIII, 270).

Совершенно очевидно, что в этом пространственном противопоставлении, непосредственно реализующем указанную оппозицию, опущена вторая часть, именно то, что определяется словом «проза» в его вторичном значении («то, что чуждо поэзии, лишено поэтичности»; «Словарь языка Пушкина»), вернее, его прямое название заменено атрибутами этого понятия («лавка конторщика», «житейская необходимость», «меркантильные расчеты») ¹⁰. Само это вторичное значение возникает в языке именно на основе представления о прозе, закрепленного соответствующим словоупотреблением (равно как и противопоставленное ему вторичное значение слова «поэзия»: «поэтичность, нечто поэтическое, действующее на чувство, воображение»; «Словарь языка Пушкина»). Поэтому при слове «проза» и в его вторичном значении мы обнаруживаем аналогию с предшествовавшими примерами: «В последних числах сентября (Презренной прозой говоря) В деревне скучно...» («Граф Нулин», 1825; V, 3); «Порой дождливою намедни Я, завернув на скотный двор... Тьфу! прозаические бредни, Фламандской школы пестрый сор...» («Евгений Онегин», VI, 201).

¹⁰ Ср. обратный случай, когда атрибуты понятия заменяют неназванное слово «поэзия»: «Кто дал Давыдову совет Оставить лавр, оставить розы? Как мог унизиться до прозы Венчанный Музою поэт...» («Недавно я в часы свободы...», 1822; II, 274).

Последние примеры особенно значительны, так как обнаруживают интересное явление: вторичные значения слов «проза» и «поэзия» снимают противопоставленность обоих понятий, абсолютизированную основными значениями. «Проза» может быть компонентом поэтического произведения, равно как «поэзия» — прозаического. См., например, в письме И. И. Лажечникову по поводу «Ледяного дома» (1835): «...поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык» (XVI, 62). Ср. в отклике на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия!» («Письмо к издателю «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», 1831; XI, 216). Показателен в этом отношении и следующий пример из чернового текста «Путешествия Онегина»: «И в поэтический бокал Я много прозы подмешал» (VI, 489). Если сравнить этот вариант с окончательным текстом, более последовательным с точки зрения поэтической образности («И в поэтический бокал Воды я много подмешал; VI, 200), то получится интересная пара оппозиций: —

«бокал» (вино) - «вода»

«поэтический (поэзия) - «проза», —

предопределенная и самой природой найденного образа («вода» в окончательном тексте выступает как замена «прозы» так же, как в примере из «Египетских ночей» ее заменяли «житейская необходимость», «меркантильные расчеты» и т. д.) ~~Все~~ это предопределяет контрастное употребление слов «проза» и «поэзия» в контекстах, включающих оба эти слова (или заменяющий «поэзию» синоним).

Как уже говорилось, таких случаев контрастного употребления слов «проза» и «поэзия» («стихи») у Пушкина много, причем преобладают, естественно, случаи противопоставления этих слов, употребленных в их основном значении, поскольку вторичное вообще менее распространено. Тем не менее очень показательны и те примеры, которые включают в себя эти слова в их вторичном значении. В нескольких случаях оказывается, что одно из противопоставленных слов употреблено в его основном, а другое — по контрасту — во вторичном значении, например: «Есть люди, которые не признают иной поэзии, кроме страстной и выпренней; есть люди, которые находят и Горация прозаическим (спокойным, умным, рассудительным? так ли?)» («Путешествие В. Л. П. ...», 1836; XII, 93). Приведенный пример интересен и в том отношении, что дает предложенное Пушкиным истолкование слова «прозаический» в его вторичном значении (конечно, только для конкретного случая его употребления), включая в него атрибуты, противоположные тем, которые обычно свойственны «поэтическому» в его традиционном понимании. Ср.: «...что же они («чопорные

критики». — Л. С.) скажут о поэтической дерзости Калдерона, Шекспира или же нашего Державина» («Возражение на статью «Атенея», 1828; XI, 72); «Он с лирой странствовал на свете; Под небом Шиллера и Гете, Их поэтическим огнем Душа воспламенилась в нем» («Евгений Онегин»; VI, 35); «У него («французского романиста». — Л. С.) Мильтон, занятый государственными делами, непременно терялся бы в пиитических мечтаниях и на полях какого-нибудь отчета намарал бы несколько стихов из Потерянного Рая» («О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая», 1836; XII, 143).

Однако чаще употребление одного из противопоставленных слов во вторичном значении предполагает употребление и другого во вторичном же значении, например: «Примите и мой сердечный привет, любезный Степан Петрович; мы, жители прозаической Москвы, осмеливаемся писать к Вам в поэтический Рим, надеясь на дружбу Вашу» (С. П. Шевыреву, 1830; XIV, 85); «Но что есть общего между манерной прозою госп. Геснера (имеется в виду его поэма «Смерть Авеля», с которой сравнивал «Слово о полку Игореве» А. С. Шишков. — Л. С.) и поэзией Песни об Игоре» («Песнь о полку Игореве», 1836; XII, 150). Последний случай интересен еще и тем, что речь здесь идет о «прозе» применительно к стихотворному произведению, в этом именно смысле противопоставленному «поэзии» «Слова о полку Игореве»; ср.: «...Руслан молокосос, Пленник зелен — и пред поэзией кавказской природы — поэма моя: — Голиковская проза» (А. А. Бестужеву, 1825; XIII, 244).

Таким образом, и вторичные значения слов «проза» и «поэзия» сохраняют у Пушкина в значительной мере связь с литературным рядом, внося дополнительные характеристики явлений, совместимых с основными значениями этих слов. Однако это становится возможным только тогда, когда сами эти вторичные значения, как в последнем приведенном примере («поэзия кавказской природы»), перестают быть тесно связанными с собственно литературными категориями и могут употребляться независимо от представлений о них. Например: «Боюсь, чтоб проза жизни твоей не одолела поэзии души» (В. И. Туманскому, 1825; XIII, 206). Сочетанию «проза жизни», особенно характерному для подобного словоупотребления, противостоит также встречаемое у Пушкина сочетание «поэзия жизни» («А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни»; «Баратынский», 1830; XI, 185). Отсюда уже идет прямой путь к метафорическому употреблению этих слов в поэзии пушкинского времени, как, например, у Вяземского в стихотворении 1828 года «Простоволосая головка»:

Все в ней так молодо, так живо,
Так не похоже на других,

Так поэтически игриво,
Как Пушкина веселый стих.
Пусть спесь губернской прозы трезвой,
Чинясь, косится на нее,
Поэзией живой и резвой
Она всегда возьмет свое¹¹.

Итак, употребление слов «проза» и «поэзия» в их вторичном значении у Пушкина остается в значительной мере связанным с сферой их употребления в основном значении. Обращаясь к последней, мы заметим, что здесь Пушкин чаще всего исходит из предположения о несовместимости качеств обоих явлений, делающей их резко противоположными друг другу: «...лишают меня права жаловаться (не в стихах, а в прозе, дьявольская разница!)» (П. А. Вяземскому, 1825; XIII, 226). Характерно, что предусмотренное этим словоупотреблением различие усиливается эпитетами и другими словесными средствами, подчеркивающими антонимичность обоих понятий: Байрон «исповедался в своих стихах, невольно увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил...» (П. А. Вяземскому, 1825; XIII, 243); «Лета к суровой прозе клонят, Лета шалунью рифму гонят...» («Евгений Онегин»; VI, 135); «Стихотворений помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой; на то прозамякина» (М. П. Погодину, 1832; XV, 29); «...вдохновенья еще нет, покаместь принялся я за прозу» (А. А. Дельвигу, 1827; XIII, 334). Последние два примера, правда, недостаточно корректны, так как в первом слово «стихотворения» выступает в лучшем случае лишь как контекстуальный синоним слова «поэзия»; во втором же мы имеем метонимию (замена названия явления его атрибутом); однако они показательны для пушкинского словоупотребления и могут поэтому, хотя и с оговоркой, быть привлечены в общем ряду с другими.

Антонимичность слов «проза» и «поэзия», связанная в значительной мере с традиционным словоупотреблением, не препятствовала, однако, Пушкину на определенном этапе его творческой эволюции сблизить стоящие за ними понятия и поставить вопрос о необходимости разрушения барьера между ними: «Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем» («О поэтическом слоге», 1828; XI, 73). Но это уже другой вопрос, не предусмотренный темой моей статьи. Следует, однако, заметить, что и само словоупотребление Пушкина, как было показано, не препятствовало такой возможности тогда, когда, опираясь

¹¹ П. А. Вяземский. Стихотворения. «Советский писатель», Л., 1958, стр. 208—209.

на вторичные значения слов «проза» и «поэзия», оно разрушало категоричность противопоставления их друг другу.

Таким образом, эстетические представления Пушкина, хотя, конечно, и не связанные непосредственно с его языковой практикой, все же в известной мере соотносимы с тем, как употреблялись им слова, определяющие те или иные литературные понятия.

Наблюдая над словоупотреблением Пушкина, прослеживая характер применения им слов «проза» и «поэзия», можно убедиться в том, что проза и поэзия, как литературные явления, воспринимались им как разделенные и даже противостоящие друг другу категории, обладающие своей спецификой и имеющие определенную и противопоставленную одна другой сферы выражения. Но именно в последнем отношении граница между ними оказывается зыбкой, что и позволяет в конечном итоге поставить вопрос о возможности и даже необходимости их сближения на общей основе, тем более, что, составляя две части единого целого, проза и поэзия подчинены общим закономерностям, определяющим движение литературы. Последний вывод, конечно, прямо уже не вытекает из предмета моей статьи и лишь косвенно с ним соотносится. Однако и то, что непосредственно связано с кругом наблюдений, которые предполагаются изучением словоупотребления Пушкина, при всей ограниченности — для литературоведа — его возможностей, вплотную подводит к постановке, причем более четкой и основательной, вопросов, выходящих за пределы языковой сферы и связанных с теоретическими взглядами и художественной практикой Пушкина.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, т. № 434

ПУШКИН
И
ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

ПСКОВ · 1970